

ВСТУПЛЕНИЕ

Мне много раз предлагали написать автобиографию. И я думал, что это хорошая мысль — рассказать о замечательных людях, с которыми мне посчастливилось работать бок о бок, о том, как развивалась кардиохирургия и что она значит для нашей страны и для всего мира.

Я даже придумал название для книги — «Под звездами кресты». В том смысле, что не родился еще врач, у которого бы не умер ни один пациент. Вспоминая хирургов масштаба Бориса Васильевича Петровского, Владимира Ивановича Бураковского, я думал: «Эти люди — гении, звезды хирургии. Но и у них были свои «кресты», когда они теряли больного в результате его крайне тяжелого состояния».

Во время операции рядом с тобой стоит операционная сестра, которая ассистирует многим хирургам и лучше тебя знает порядок. Рядом с тобой анестезиолог, блестяще делающий свое дело. Специалист, который проводит искусственное кровообращение, за год делает не меньше тысячи таких операций у пациентов всех возрастов. Я не представляю, где еще, кроме операционной, может собраться бригада профессионалов такого уровня. Но и здесь нет никаких гарантий, что пациент выживет и не возникнет никаких осложне-

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ИМЕНА

ний. Ведь если бы человек чувствовал себя хорошо, он не пошел бы на операцию, правильно?

Но когда издательство «Молодая гвардия» предложило выпустить книгу обо мне в серии «Жизнь замечательных людей. Биография продолжается», где до этого выходила биография Евгения Максимовича Примакова, я подумал — и все-таки согласился. В 2012 году вышла книга Игоря Цыбульского. Спустя девять лет она легла в основу этой книги — вместе с дополнительными интервью, а также замечательными фотографиями Екатерины Штукиной.

СЕРДЦЕ

Сердце перекачивает более 5 с половиной литров крови в минуту, или 340 литров в час. За 70 лет жизни человека оно способно перекачать более 200 миллионов литров! Человеческое сердце — поистине уникальный механизм, замечательный, неутомимый, тонко отлаженный кровяной насос.

Нет. Все-таки не механизм и не насос! Я никогда не представлял себе сердце как некое мышечное образование, приспособленное к перекачке крови. Человеческое сердце — вечная загадка и главный предмет моих забот. У сердца, между прочим, даже свой персональный день имеется — 29 сентября. Он так и называется — Всемирный день сердца. Обратите внимание: ни один из органов человеческого организма своего отдельного дня не имеет.

Сердце — тебе не хочется покоя... Это же просто поразительно, что в течение всей жизни сердце человека должно работать без единой остановки и отдыха. И ведь работает! Мышцы, сосуды, клапаны... Представить невозможно, что они закрываются и открываются в течение жизни человека более двух миллиардов раз. Какой материал способен выдержать подобную нагрузку!

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ИМЕНА

Мне, хирургу, много раз приходилось менять сшившиеся — в буквальном смысле стершиеся — искусственные сердечные клапаны. А ведь там применяются самые прочные и самые износоустойчивые материалы, какие только существуют на земле, — шарик из сверхпрочного силикона и каркас из специальной космической стали. Сейчас для искусственных клапанов используют еще более прочные материалы, чем силикон; и все равно никакой материал не может сравниться с тем, что создано самой природой.

Я убежден: без сердца толком нет жизни! Существуют, конечно, одноклеточные, у которых вроде как нет сердца, все же остальное его имеет. Ну, а если бы на земле жили только одноклеточные, то о существовании нашего мира, понятное дело, никто бы и не узнал. Сердце — вот начало начал! Величайший двигатель всякой жизни!

Скажу еще и так: более гармоничной картины, чем ритмично сокращающееся сердце, я в жизни своей не видел — и, честно сказать, даже представить не могу. Как же все это поразительно красиво и мощно!

Вот сердце отдыхает, расслабляется в период паузы — и вдруг начинает сжиматься красивым, могучим, живым движением. Это невозможно пересказать, это нужно увидеть!

Какая же немислимая мощь заключена в этом маленьком, величиной с кулак мышечном узле, способном разгонять кровь по всему организму, по бесчисленным сосудам, начиная от широкой мощной аорты и кончая тончайшими, как волос, капиллярами. Если все эти сосуды вытянуть в одну нить, то общая длина их составит около 115 тысяч километров. Этого достаточно, чтобы два с половиной раза обернуть Землю по экватору!

Работу сердца можно сравнить с бегом великого какого-нибудь спринтера. Какого-нибудь нынешнего Усейна Болта, скажем; но мне все-таки ближе гармоничный, летящий бег кумира моей молодости — бесподобного Валерия Борзова. Вот Борзов срывается со стартовых колодок, мощно отталкивается, стремительно набирает ход и уверенно выигрывает спринт на Олимпиаде! То, что он делает за эти краткие мгновения, — настоящее волшебство!

А что переживает за эти десять секунд его сердце?! На всей дистанции в сто метров — один, максимум два вдоха! Пульс взлетает до двухсот ударов... А всего через минуту — восемьдесят и вот уже шестьдесят. Тренированное сердце великого спортсмена очень быстро отходит от чудовищной, запредельной нагрузки, восстанавливает нормальный ритм! А ведь за эти секунды в организме накопилось критическое количество отходов сверхнапряженной мышечной работы — углекислого газа, молочной кислоты и так далее, и все это сердце смогло выдержать и прогнать по артериям, венам и капиллярам, очистить и нейтрализовать. Для тренированного здорового сердца, кажется, нет ничего невозможного.

Вот другой классический пример. Стоит парень возле метро с букетом цветов, ждет свою девушку. Вот она появляется! У него, как у спринтера, пульс взлетает за двести ударов! Что случилось?! Мощный выброс адреналина в синусовый узел. В тот самый узел, который заводит сердце. Это электрическая система, которая регулирует ритм и настрой человеческой жизни.

Тут мы вроде бы все знаем и владеем физиологией процесса. Но это только кажется, что знаем и владеем. Сердце — великая и вечная тайна. Уже одно то, как оно развивается... В начальный период, когда плод только

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ИМЕНА

зарождается в утробе матери, там еще никаких намеков на сердце нет. Позже образуется какая-то едва заметная палочка, которая затем с каждым днем растет и наконец превращается в то чудо, которое мы называем сердцем. К шестнадцатой неделе беременности мы, врачи-кардиологи, уже с полной уверенностью можем сказать, здоровое оно или больное.

Формирование детского сердца для меня — предмет, к которому я питаю особенную привязанность. Возможно, это несколько затертая фраза, но она наиболее точно отвечает моим ощущениям. Развитие сердца я сравнил бы с тем, как вырастает прекрасный цветок: как распускается из едва заметной крохотной почки, освещая все вокруг своей красотой. И этот цветок управляет нашей жизнью, порождая самые памятные, самые сильные чувства, которые только доводится пережить человеку.

Думаю, что понять меня в полной мере может лишь хирург-кардиолог, то есть человек, который держал в своих ладонях живое, трепещущее и прекрасное человеческое сердце!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
ДЕТСТВО

ОЧАМЧИРА

Вообще-то наша семья родом из Потти. Это Колхида, места легендарные, мифические. Считается, что именно сюда стремились аргонавты под предводительством героя Ясона: те, что похитили у здешнего царя Ээта золотое руно, шкуру волшебного барана.

Однако родился я все же не в Потти, а в Очамчире, небольшом, но тоже очень древнем городе на берегу Черного моря в 55 километрах от столицы Абхазии Сухуми. Связано это с тяжелой болезнью моей старшей сестры Марины. Тогда в Колхидской низменности была очень распространена малярия. Чтобы избавиться от болезни, угрожавшей жизни Марины, врачи посоветовали сменить климат и перебраться в более здоровые и сухие места. Так наша семья оказалась в Очамчире, где я и родился за несколько дней до наступления последнего предвоенного года.

Папа мой по профессии инженер, мама — учительница младших классов. Папу не помню, потому что он скоропостижно скончался, когда мне было всего три года. Первая врезавшаяся в память картина жизни — именно похороны отца. Я еще мало что понимал. Помню, что взрослые шепотом говорили мне: «Веди себя тихо. У тебя папа умер!» Вторая картинка моего детства — яркая и радостная. День По-

беды! Сияет солнце. На меня надели белую рубашку и штаны на ляпочках через плечи; и вот мы отправились в город. Было это в Очамчире. На площади громко играло радио, и все люди казались счастливыми. Хорошо помню, что мне было тоже очень радостно...

Сразу после этого вспоминается, как я тонул в нашей быстрой и холодной речке Гализге. На речку я пришел вместе со старшими ребятами. Они, занятые своими интересными делами, на меня внимания не обращали, и мы с моим верным другом и соседом Отаром Шамугия решили искупаться. Плавать оба еще не умели. Но воды я не боялся и потому старался зайти как можно глубже. Когда я забрался по шейку, поскользнулся на круглом камне — и быстрая вода понесла меня на глубину. Товарищ ничем не мог помочь, но зато догадался заорать изо всех сил, это отвлекло старших ребят от их важных дел. Они прибежали и принялись спасать меня. Правда, быстро вытащить меня на сушу не удалось, и я успел прилично нахлебаться.

Откачивали меня довольно долго, но все же вернули к жизни. Попросили не рассказывать матери: иначе всем, кому меня доверили, могло здорово влететь от родителей. Я пообещал и действительно об этом не рассказывал, потому что прекрасно понимал, что иначе на речку меня больше не пустят. Ну, а теперь уже можно...

Хорошо помню тяжелые 1947–1949 годы. На Кавказе — редчайший случай — случился настоящий голод. Но люди относились друг другу как родные, делились последним и всем старались помочь. Тогда мы уже жили в Поти. Дом наш находился в пяти минутах ходьбы от центра. На нашей улице Профинтерна (поз-

же переименованной в улицу Нико Ломоури) было тридцать домов, и в половине из этих домов отцы не вернулись с войны. Но мы все жили как одна большая семья. Потому и выжили.

Хлеб выдавался по карточкам, продукты можно было купить только на рынке, и они стоили больших денег. Поэтому все наши соседи, и мы вместе с ними, все, что только могли, выращивали сами. Кукуруза, фасоль, огурцы, помидоры росли на наших огородах. Урожаи в здешних местах с субтропическим климатом всегда были хорошие. Особенно поддерживали нас фрукты. Яблоки, груши, гранаты. Традиционно хорошо в Потти плодоносили цитрусовые. Но в 1949 году не повезло. Была страшно холодная зима, и множество плодовых деревьев погибло. У нас, например, вымерзли корни у пятидесяти мандариновых и апельсиновых деревьев. В это время, пожалуй, только и спасала рыба. Камбалы в море тогда было много, и на базаре она продавалась постоянно и недорого, а на озере Палеостоми можно было ловить даже деликатесную кефаль.

Нашими соседями слева была семья Ратиани. К ним — к одним из немногих — после войны вернулся глава семьи. Правда, вернулся он инвалидом. Женой его была известная во всем Потти тетя Катюша (так ее звали и грузины и русские). В семье Катюши росло трое сыновей: Созари, Гамлет и Бутхузи. Это были очень хорошие ребята, и я с ними дружил.

Тетя Катюша (Екатерина — Катюша) работала фельдшером. Женщина эта по самой природе своей была целителем, однако трудная жизнь не позволила ей выучиться на врача, она стала только фельдшером. Но что значит диплом, если лечиться к ней ходил буквально весь город. Этой чудесной женщине я благода-

ИГОРЬ ЦЫБУЛЬСКИЙ: СЕРДЦЕ В ЛАДОНЯХ

рен на всю жизнь за то, что она, как добрый ангел, ухаживала за нашей мамой, когда мы все, ее дети, учились в разных городах нашей страны. Свою старшую дочь я назвал Екатериной именно в честь этой чудесной, истинно душевной женщины.

ДВОРОВЫЕ ИСТОРИИ

Отар был нашим соседом через улицу. У него был порок сердца. Его оперировал сам Федор Григорьевич Углов. Он тогда просто хороший хирург был, еще не всемирно знаменитый. Мы с Угловым потом дружили, я ему даже как-то рассказывал о своем товарище Отаре Шамугия, которому тот подарил жизнь. У Отара даже была фотография, как он лежит на операционном столе, а над ним склонился Углов... Трудно даже понять, кто и как это фото сделал. Отар этим снимком очень дорожил и гордился.

Между прочим, у нас с Отаром в детстве было любимое развлечение, которое мы всегда вспоминали, когда встречались: гонки на поросятах. На нашей улице в Очамчире было принято вешать поросьятам на шею такие фанерные треугольники, чтобы они не могли пролезть между планками забора и в чужие огороды не повадились... Вот за эти треугольники мы хватались, запрыгивали на своих «скакунов» и неслись наперегонки с поросычьим визгом по улице. Замечательное развлечение, только если хозяева не увидят...

Иногда по телевизору показывают знаменитое американское развлечение — родео. Там настоящие профессионалы-ковбои соревнуются, кто дольше

удержится на спине необъезженного мустанга или быка. Очень похоже на то, что мы с Отаром вытворяли в детстве. Кстати, замечу, поросята тоже о-о-очень норовистые «скакуны». Они всегда нас в конце концов сбрасывали — но все равно это было здорово, так что мы старались как можно дольше проскакать, не вылетая «из седла».

Прожил Отар лет до пятидесяти пяти. Не будь той операции — никакой нашей веселой жизни, этих гонок на поросятах, нашей долгой дружбы тоже не было бы. То, что Отара спас замечательный хирург Федор Григорьевич Углов, и то, что мой товарищ после операции стал здоровым человеком (да еще фотография с операционного стола), — все это, думаю, в молодости сильно на меня подействовало. И мне захотелось стать медиком... и не просто врачом, но именно хирургом, который может вот так явно дарить людям здоровье и жизнь.

* * *

Отношения с другими детьми у меня были не безоблачные. В двух домах от нас жил мой ровесник Николай, у которого было четверо старших братьев. Они все были очень боевые ребята и считали, что Коля-младшенький растет каким-то слишком уж миролюбивым и безобидным. Поэтому они проводили для него регулярные «уроки мужества». Учили бороться и драться на кулаках. Но тренировки тренировками, а для воспитания характера необходима настоящая драка: а тут как раз я — очень удобно для них — иду из школы домой и никак не могу миновать «опасное» место.

Когда я подходил к лавочке, где рядом сидели братья, они выпихивали навстречу мне младшего, ко-